

A photograph of a man and a woman in a formal interior. The man, Yuriy Konstantinov, stands on the right in a white shirt and patterned tie. The woman sits on the left in a blue and white patterned dress. The background features a dark wall with gold stars, a candelabra with lit candles, and a large clock face at the bottom left.

Юрий Константинов

ЖИЗНЬ КАК МГНОВЕНИЕ

Юрий Федорович Константинов

Жизнь как мгновение

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72871662

Жизнь как мгновение. / Константинов, Юрий Федорович: Родина;

Москва; 2025

ISBN 978-5-00269-057-2

Аннотация

Мне вот-вот исполнится 90 лет. И эта книга – попытка запечатлеть на бумаге воспоминания о ярких моментах, которые формировали мою жизнь и судьбу. Хотелось рассказать вам о множестве событий, которые я увидел и пережил, о своих путешествиях, о встречах с удивительными людьми.

В этой книге я поделюсь с вами опытом своей работы в значимых для страны организациях. Я расскажу о том, как мне приходилось решать важные для государства вопросы. Каждая страница моей трудовой биография стала для меня настоящей школой жизни.

Жизнь летит быстро. Жизнь продолжается и учит меня ценить каждое мгновение и стремиться к новым горизонтам. Пусть мои воспоминания не только помогут вам узнать о моем пути, но и вдохновят вас на собственные свершения.

Ваш Юрий Федорович Константинов.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Часть 1	5
Успеть запомнить	5
Детство	8
От бабушки к бабушке	8
Дети барака	8
Когда кончилось лето 41-го года	10
На три месяца, не больше	11
Жизнь на соломе	13
По волчьей тропинке	14
Без отца	16
Обратно в Ленинград	17
На учебе и на каникулах	18
Мама. Гитара с бантом	20
Доступное искусство	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юрий Константинов

Жизнь как мгновение

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

© Константинов Ю.Ф., 2025

© ООО «Издательство Родина», 2025

Часть 1

Успеть запомнить (Вместо предисловия)

В детстве я мало интересовался историей своей семьи. Мама с папой ничего не рассказывали о нашей родословной. А теперь, когда я с радостью изучал бы её, спросить уже некого. После смерти мамы я спрятал ее документы, и они лежали десятилетия, а я в них не заглядывал. Но однажды вынул и начал рассматривать.

В старых документах всё особенное – чернила, почерк. Просто держать их в руках – уже удовольствие. И потом, это же не просто какие-то бумажки – они касаются лично тебя. У всех, кто писал документы, чудный почерк. В прежние времена это первое, что требовалось от писмоводителя.

Родня мамы, Александры Григорьевны, была из-под Пензы, из города Нижний Ломов. Они, Звонарёвы, были настоящими, крепкими крестьянами. Дед по маминой линии дожил до 90 лет. Вот, собственно, и всё, что я знаю о них. Когда

стал взрослым, хотел узнать больше, ездил в Нижний Ломов, но не нашел никаких следов.

Мне известно только об одной маминой сестре, Наде. Как и многие молодые женщины в то время, она увлекалась авиацией, парашютным спортом, сама водила аэропланы. Из-за болезни сердца ей всё это не разрешалось, но она игнорировала запреты. Надя умерла в Ленинграде во время очередных соревнований – сердце не выдержало. Других братьев и сестер у мамы вроде бы не было. А ведь она из крестьянской семьи, обычно такие семьи бывали многодетными. Может, их раскулачили, и остальные братья-сестры сгинули где-то? Неизвестно, тогда о таком не рассказывали.

Неясно, как мама оказалась в Казахстане. Не исключено, что всю ее семью туда выселили – они были довольно зажиточными людьми. В Казахстане она работала на самой низкой бухгалтерской должности – счетоводом. Неизвестно, как и зачем она из Казахстана переехала в Череповец. Но именно в этом городе отец с матерью и познакомились. В Череповце мама окончила курсы и стала работать бухгалтером. Каким образом родители попали в Ленинград, я не знаю.

И биографию отца, Федора Дмитриевича, я тоже не знаю. Известно только, что он из города Бологое, и вся его родня – железнодорожники. Как-то мы с сыном Мишей заехали в Бологое, чтобы узнать о родне. Однако выяснить ничего не

удалось. Но тогда мне было некогда вести поиски, да и не особенно было нужно. А сейчас – нужно. Я бы всё выяснил и даже записал для внуков и правнуков.

К сожалению, слишком поздно я понял, что надо успевать расспросить близких о своей семье, пока они живы. Это большое упущение с моей стороны. Но, наверное, многие дети так поступают. Мой сын и внуки меня тоже не особо расспрашивают. Я сижу живой – и этого вполне достаточно. Пока достаточно...

Детство

От бабушки к бабушке

Почему меня называли Юрием, я не знаю. Вроде бы среди родственников не было человека с таким именем, чтобы называть меня в его честь. А крестили меня Георгием где-то в пригороде Ленинграда. Сказали, что Юрий и Георгий – почти одно и то же.

Родители много работали, и меня передавали то одной, то другой бабушке. Самые первые мои воспоминания связаны с городом Бологое, куда меня до шести лет часто привозили к бабушке и дедушке, родителям отца. Помимо меня, у них там было много других родственников. Я общался со всеми, но не помню уже ни имен, ни кто кем мне приходился. Знаю лишь, что все они носили фамилию Константиновы.

Дети барака

Я родился 16 сентября 1935 года в Ленинграде. Мы жили на Морском проспекте – там для сотрудников хлебозавода, где работал отец, построили четырехэтажные бараки. Возводили их очень быстро, «на живую нитку». Питеру нужна была рабочая сила, а рабочей силе надо было где-то жить.

Это был такой коммунальный дом: длинный коридор, по обе его стороны – малюсенькие квартирки. Все друг друга знали. И взрослые, и дети разного возраста жили очень дружно, помогали друг другу. Мальчики к девочкам относились уважительно – так нас воспитывала советская власть. Квартиры почти никогда не закрывались: замков не было, ключей не было. Уходя, накидывали крючок, – и всё. Да и какой смысл запирать? Брать у людей было нечего. Ни душа, ни ваннх тоже не было. Раз в неделю ходили в баню на Барочную. Белье сушили в кухне, а не во дворах, как в Москве.

В бараке у нас было две малюсенькие комнаты на втором этаже. Мать часто огорчалась, живя в этой квартире: было очень тесно. Дело в том, что отец был то ли директором, то ли заместителем директора хлебозавода. А для руководства построили отдельный хороший каменный дом, и отец мог бы выбрать там любую квартиру. Но он взял самую маленькую в самом плохом бараке, потому что был коммунистом до мозга костей и романтиком.

Внизу, под окнами барака, была красота: палисаднички, цветы, огурцы, помидоры. Жильцы первого этажа всё это сажали для себя. Сейчас там построены огромные дома, они почти примыкают к забитой машинами дороге. Дома хорошие, дорогие, но мне очень жаль, что того красивого ландшафта больше нет.

Наш барак был крайний, а за окном – огромный парк. Мне он казался настоящим лесом. Я постоянно туда бегал – да,

меня, шестилетнего, отпускали одного. И не только меня. В то время родители детьми вообще не занимались. Встаешь утром – тебя ждет бутылка молока, батон хлеба, ешь и уходишь на целый день. Никому ничего не запрещали. Всех детей воспитывала улица. И, кстати, мне кажется, это было совсем неплохо – мы хорошо освоили искусство дружбы, взаимовыручки и самостоятельности.

Когда кончилось лето 41-го года

Сознательная жизнь для меня фактически началась летом 41-го года. Именно с этого момента воспоминания стали более четкими и осмысленными.

У отца была бронь. И должность, и возраст позволяли ему остаться в тылу. Но ведь папа был коммунистом... В первый же день войны он ушел добровольцем на фронт. Служил в чине капитана. Его отряд обеспечивал питанием бойцов первой линии фронта. Приготовленную еду надо было под охраной везти на передовую, а потом возвращаться обратно. Отряд постоянно попадал под бомбежки, в результате чего отец получил много ранений.

Начало войны застало меня в городе Бологое. Как обычно, я гостил у бабушки, и мать приехала забрать меня – ей для этого дали двухдневный отпуск. Тогда пассажирский транс-

порт уже не ходил, и в Питер мы возвращались в теплушке. Вагон был битком набит ребятней и родителями – в первые дни войны все забирали детей из пионерских лагерей.

Помню, едем мы в этой теплушке как сельди в бочке – и вдруг состав резко останавливается. Оказалось, что перед нами разбомбили поезд, в котором точно так же везли детей... Сам Ленинград тогда еще не трогали, но немецкие самолеты уже бомбили пригороды.

Наш поезд тоже попал под бомбежку. Все выскочили, бросились врассыпную. Лес далеко, поэтому взрослые искали хоть какие-то канавы и ложились в них, закрывая собою детей. А сверху летели бомбы. Мама схватила меня в охапку, пихнула в яму и легла сверху. А я из-под нее выглянул и увидел летчика. У меня такие детские воспоминания об этом остались, будто он на бреющем полете прямо руками берет бомбу и кидает в нас. И улыбается при этом. Я до сих пор помню лицо этого летчика, его усмешку.

Не могу сказать, что я испугался – я был слишком маленький. Мне было скорее интересно, чем страшно. Поезд остался цел, и все мы остались целы. Когда бомбежка закончилась, наш состав пошел дальше. Нам повезло – наверное, это было первое большое везение в моей жизни.

На три месяца, не больше

А вскоре началась эвакуация. Никто не хотел уезжать. Но

деваться некуда. Многих людей вывозили против воли. Маму, например, просто взяли и уволили с работы. Она не хотела уезжать, потому что с нами жила тяжело болевшая бабушка, Анастасия Дмитриевна. Она постоянно лежала и могла дойти только до туалета...

И всех успокаивали: «Вы же едете максимум на три месяца, чего нервничать-то? Зачем вам теплая одежда? К осени же вернетесь». Мы ничего и не взяли. Побросали кое-какие вещи в два чемодана, которые можно в руках унести, закрыли дверь в квартиру на крючок и отправились – на три месяца ведь, не больше.

На вокзале нас посадили в такие же открытые теплушки, без дверей по бокам. Посередине, правда, стояла печка – но ее не топили, поначалу тепло было. Едем день, второй... Становится всё холоднее. Сперва были какие-то населенные пункты, там в магазинчиках можно было купить еду. А потом уже никаких магазинов, только столы вдоль перрона, и местные жители на них выставляют молоко, хлеб. Но им не нужны были деньги – в обмен на продукты они требовали одежду, ведь в деревнях людям нечего было носить. И практически все свои вещи мы отдали – есть-то надо. Чем дальше ехали – тем холоднее становилось и тем меньше одежды оставалось. Приехали вечером на какой-то полустанок под Молотов (*сейчас – Пермь*), все раздетые – а вокруг снег. Выгрузили нас из теплушек на платформу – и поезд ушел.

Жизнь на соломе

Из деревень на полустанок подъезжали руководители колхозов, разговаривали с людьми. Кого-то забирали, кто-то оставался ждать дальше. Матери повезло: приехал директор крупного колхоза и, узнав, что она бухгалтер, сразу взял к себе. Посадили нас на телегу, прикрыли меня, дрожавшего от холода, каким-то тулупом, — и увезли.

Как потом выяснилось, в тех местах в бухгалтерии никто толком не разбирался, а отчеты нужно было делать постоянно. Колхоз был богатый — деньги председатель считать умел. Но из-за плохой отчетности у него были постоянные проблемы с властями. Так что мама ему очень пригодилась, она навела порядок в бумагах.

Беженцев никто из местных не хотел брать к себе в дом. Поэтому нас поселили на скотном дворе. Он был огромный, крытый, посреди стояли телеги. На первом ярусе — лошади, коровы, на втором — мелочь: куры, козлята. У козлят был загон, разделенный на два помещения. Так вот председатель освободил одно для нас — «уплотнил» козлят. Выкинули старую солому, настелили новую, бросили на нее что-то типа попоны, дали пару полотенец — вот и всё, живите и радуйтесь, что есть крыша над головой. Никаких столов, стульев — так и жили на соломе.

В первое утро просыпаюсь — а рядом стоят два беленьких

козленка, разглядывают меня. Я с ними сразу подружился, они приходили ко мне каждый день, лежали рядом, а вечером я провожал их в загон... Для меня стало страшной трагедией, когда одного из них зарезали.

Конечно, плохо, что мы жили вместе с козами. Но к этому привыкаешь, и мне даже было интересно. Зато с питанием у нас было всё в порядке, в отличие от многих людей, голодавших в эвакуации. Всё рядом – мясо, молоко, масло. Шубы, тулупы нам тоже дали, так что я не чувствовал себя несчастным или обделенным.

Интересно, что в домах книг не было, но Библия имелась у всех. Несмотря на советское богоборчество, все были верующими, включая председателя колхоза. У мамы на работе, в правлении, не было даже обязательных для того времени собраний сочинений Сталина и Ленина – а Библия была. Но народ там был скрытным, не откровенничал, ничего о себе не рассказывал.

По волчьей тропинке

Школы в колхозе не было, учиться ходили в соседнее село. Идти приходилось километра два по тропинке через тайгу. Уроков на дом не задавали. Ведь учительница знала, что дома ребенка тут же заставят помогать по хозяйству. Поэтому мы всё делали в школе и возвращались уже в темноте. Идешь

по дорожке лесом, а по краям сверкают зеленые глаза – это волки сопровождают с двух сторон. Волки идут, и мы идем, в темноте. И так каждый день. А куда деваться? Но волки нас почему-то не трогали, просто шли рядом. А мы к ним так привыкли, что по дороге на полянке останавливались и при свете луны «чистили» дневники. Если была двойка – аккуратноненько листочек этот из дневника вырезали, прятали в снег и шли дальше. Домой все возвращались только с отличными оценками. Иногда председатель давал лошадь, и мама везла всех нас в повозке.

Тетради, ручки, учебники и даже портфель в школе выдавали бесплатно, в деревне ничего такого нельзя было купить. А вот форму мамы и бабушки шили сами, тогда все женщины умели кроить и шить. Мне, например, форму перешили из отцовского кителя.

Классы были набиты битком, ведь в нашу школу ходили дети со всех окрестных деревень. В отличие от городских школ, у нас мальчики и девочки учились вместе. Учительница была очень хорошая. К сожалению, ее имени-отчества не помню, но фотография у меня сохранилась. У нее было главное для учителя качество – желание учить. Она любила и математику, и литературу, и произведения, о которых рассказывала. И старалась, чтобы мы тоже всё это полюбили.

Я был очень активным ребенком и вел себя в школе не очень хорошо. Пригласили маму, и она в щелочку двери смотрела, как я на уроке дергаю за косички девочек за пар-

той передо мной. Дома мама ничего мне не сказала. Но я понимал, что она всё знает, и видел, как она расстроена. Больше девочек за косички я никогда не дергал.

Без отца

Письма от отца к нам не доходили, и мы о нем ничего не знали. И он о нас знал только то, что мы уехали, а куда — неизвестно.

С отцом в период войны мы виделись два раза. В первый приезд он оставил нам свой китель. Мама из него сделала китель мне, и в нем я присутствовал на всех школьных фото. Во второй приезд папа решил поехать к своим родителям в Бологое и взял меня с собой. Никаких пассажирских поездов тогда не ходило. Мы ехали на открытой платформе грузового поезда. На станции Бологое поезд не останавливался. Мы выбрали насыпь — и кубарем. Вначале отец, потом я скатились с нее вниз. Никто не покалечился. Пообщались с дедом и бабушкой, днем сходили в лес. Я впервые стрелял из настоящего боевого пистолета ТТ по искусственным целям. Вечером — в Ленинград. Грузовой поезд чуть-чуть затормозил на станции, не останавливаясь. Мы заскочили на подножку. Дед махнул красным флажком — и поезд стал набирать скорость. Очень полезно иметь родственников-железнодорожников.

О его дальнейшей жизни я знаю только по рассказам. Он был крепко ранен, и в госпитале за ним ухаживала медсест-

ра, с которой, очевидно, возникли близкие отношения. Потом она больного отца увезла к себе в деревню под Юрьев-Польский, и говорят, на ноги он так и не встал.

Переживал ли я? Не особо, поскольку и раньше его практически не видел. Безотцовщина была обычным явлением: пап не было у половины класса.

Папа умер в 1973 году. Когда мой внук отдыхал в Балаклаве, он неожиданно увидел его портрет в местном музее. Фотография – та же, что есть у меня. Написано было, что он был защитником города – я об этом и не знал. Я потом сделал большой плакат, и мы с внуком ходили с ним на «Бессмертный полк».

Обратно в Ленинград

В Ленинград мы вернулись сразу после окончания блокады. Я уезжал неохотно, мне нравилось в деревне – там друзья-приятели, волки. Зачем куда-то ехать? Обратный путь прошел в таких же теплушках, только ехали уже без остановок.

Мы приехали в свою квартиру в бараке, но оказалось, что в одной из комнат уже живут чужие люди, муж с женой. Они открыли крючок – и поселились. После блокады большая часть ленинградцев физически не могла работать. Питеру требовались рабочие руки. И в город приехало много

людей бог весть откуда. Их надо было куда-то селить, и вопрос решался просто – уплотняли тех, у кого было больше одной комнаты. Отец на войне, а мать, конечно, не стала качать права. Тем более что соседи оказались людьми тихими, работающими, спокойными. Так мы стали жить втроем с мамой и больной бабушкой в одной комнатке.

Бабушка вскоре умерла. Однажды новый сосед забыл ключ и стал стучать в дверь. Бабушке с ее больным сердцем нужно было лежать, но она встала и пошла открывать дверь, а на обратном пути упала. Сосед поднял ее на руки, положил на кровать – а она уже мертвая...

Наш Морской проспект остался целым, его не бомбили – там же не было никаких предприятий. Ходили автобусы, трамваи, осталась цела школа. Ни один дом не был разрушен, даже сараи сохранились. Некоторые квартиры стояли пустыми и открытыми. Мы из любопытства заходили посмотреть, посидеть на диване – интересно же побывать в чужой квартире. Может, хозяева уехали, может, умерли в блокаду... А в остальном ничего не изменилось.

На учебе и на каникулах

В Питере я ходил в 60-ю школу. Она была очень хорошая. Директор-фронтовик каждое утро встречал учеников

на пороге. Мы проходили, здоровались, он отвечал. Директор всех знал поименно. Это создавало некую семейную атмосферу. Надо с каким-то учеником поговорить – остановит.

Запомнились две замечательные учительницы – по математике и по литературе. Обе блокадницы, обе в возрасте. Они хотели, чтобы мы не оценки получали отличные, а знания. Если видели, что кто-то в классе не успевает – приглашали ребят домой, занимались с ними. Сам я учился хорошо и был единственным в классе, кто закончил школу с медалью. Я не стремился ее получить, просто занимался добросовестно и дисциплинированно – это у меня от мамы.

Ни войну, ни блокаду никто не вспоминал, не хотел вспоминать. У меня был одноклассник на несколько лет старше. Он ушел из школы на фронт, а потом вернулся доучиваться. Мы его расспрашивали про войну, но он отказывался говорить на эту тему. И отец тоже ничего не рассказывал.

Примерно с пятого класса в летние каникулы я обязательно где-то трудился. За копейки. Никто меня не заставлял, я это делал добровольно. Сначала таскал доски на строительстве стадиона имени Кирова. А потом работал у матери в типографии «Печатный двор имени Горького», она была там старшим бухгалтером. Я снимал книги с конвейера и укладывал стопочками на тележки, чтобы их отвозили дальше. И

так два месяца. А на третий месяц матери давали путевку – и я уезжал в пионерский лагерь.

Мама. Гитара с бантом

Когда я вспоминаю маму, всегда возникает образ той, что была со мной, пятнадцатилетним, в Питере – только такой ее и вижу. Мама часто ходила на концерты. Однажды взяла с собой и меня – на полулегальный концерт Александра Вертинского, он выступал в какой-то школе. Впечатление осталось сильное.

Мама очень хорошо играла на гитаре и пела. У нее была гитара с бантом на грифе, она у меня до сих пор хранится. На склоне лет, когда никого из близких в Питере не осталось, мама переехала в Москву, чтобы быть поближе ко мне. С собой мама привезла две ценные вещи – шкаф и гитару. Шкаф мой сын отреставрировал, а вот гитару мы настроить не смогли. Я показывал ее специалистам, они вынесли приговор – настроить эту гитару невозможно. Но пальцы моей мамы перебирали эти струны, поэтому я ее храню.

Сейчас мне очень жаль, что мама не научила меня играть на гитаре. Она видела, что слух у меня так себе, а я и не настаивал. Позже я даже купил гитару, несколько раз пытался научиться. Скачал в интернете кучу самоучителей, но дальше дело не пошло. Это же ежедневный систематический труд, да и пальцам больно. Гитара – не самый простой

инструмент. Но, надеюсь, настанет время, когда я ее всё же освою.

Мама ушла в 1978 году от острой сердечной недостаточности. Я счастлив, что она дождалась внука. Осталась очень дорогая мне фотография, где она пытается поднять Мишу вверх...

У мамы была своя компания, но я почти ни с кем из этих людей не был знаком – из-за болезни бабушки у нас дома собирались редко. Но когда к маме всё-таки приходили друзья, я старался исчезнуть из дома. Меня никто и не удерживал.

В нашем доме было не принято отмечать праздники. Да и свой день рождения я никогда не считал каким-то особым праздником. Не помню, чтобы в этот день ко мне приходили приятели.

Доступное искусство

В школьные годы я всё свободное время проводил в Эрмитаже и в Русском музее, часами мог ходить там по залам, мне нравилась атмосфера. Это был отдых от всех дел – от спорта, от школы, от чего угодно. Тогда очередей не было – в любое время приходишь и спокойно берешь билет: школьникам – бесплатно.

В Эрмитаже захотел – сел, посмотрел на картину, прошел

дальше, вернулся к предыдущей. На картины я смотрел с удовольствием. Я знал практически все изображенные сюжеты, потому что всегда пристраивался к экскурсиям и слушал. Как только группа появлялась – я потихоньку к ней присоединялся. Ходил с одной экскурсией, со второй, с третьей. И они вполне заменяли мне искусствоведческие труды.

Я с удовольствием сейчас сходил бы в Эрмитаж во время поездок в Питер. Но как только вижу огромную очередь и понимаю, что в зале не пробиться ни к одной картине – интерес пропадает. В моем детстве могли три человека ходить по залу, никто ничего не заслонял.

Но и без пояснений картины обладали магическим воздействием. Фигуры на них не статичные, а в динамике, каждый персонаж что-то переживает. И я сочувствовал, сопереживал, пытался поставить себя на их место, разговаривал с ними. Больше всего любил итальянскую и голландскую живопись. Была у меня любимая картина – «Возвращение блудного сына». Меня притягивало выражение лица отца, обилие чувств, которое оно излучало. Поскольку я всё время был без отца, мне трудно было представить, как это – быть с отцом. Нравилась и все маленькие картинки: «Мадонна Литта» и другие. Они стоят вдоль окна, мимо не пройдешь – остановишься. На большие полотна смотреть приятно, но там слишком много действующих лиц. А в Русском музее

моя любимая картина – «Лунная ночь» Куинджи. И еще «Девочка с персиками», «Опять двойка», «Грачи прилетели».

Русский музей был хорош ещё и тем, что рядом находилось мое любимое молочное кафе на Невском проспекте, ровно напротив Аничкова дворца. Там было очень дешево, хотя и центр города. А в Аничковом дворце, в Доме пионеров, я занимался в фотокружке и научился неплохо фотографировать. Мне даже разрешали брать пластинки и химикаты с собой, поэтому я мог проявлять фотографии дома. В туалете оборудовал лабораторию. Но свернул это занятие: в квартире было тесно, и людям нужен был доступ к удобствам.

Вообще этот Дом пионеров был настоящим кладезем увлечений. Я там занимался также в авиамodelьном кружке. Еще там был радиоклуб – и туда я тоже поступил. Выучил азбуку Морзе и эсперанто, вел на этих языках переговоры с другими городами, сам днями и ночами паял дома детекторные приемники.

На радиорынке можно было купить ферриты. Я покупал, чтобы сделать радиоприемник – его приобрести в те годы было практически невозможно. В квартире был только репродуктор. Он должен был работать постоянно, чтобы при тревоге сообщить людям нужную информацию. А заодно и воспитывать. Хочешь услышать что-то кроме правительственных сообщений и русских народных песен – соби-

рай приемник своими руками. Потом приемники начал выпускать ВЭФ. Но у них сначала был ограниченный диапазон, только средние волны. Этого хватало только, чтобы из Ленинграда поймать Москву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.